

♦ ВСЕМИРНАЯ ♦
ЛИТЕРАТУРА

СТРАШНЫЕ СТИХИ

Темная поэзия
Серебряного века

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
С83

Оформление серии *Н. Ярусовой*

С83 **Страшные стихи.** — Москва : Эксмо, 2025. — 192 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-215295-5

В эту книгу вошли самые страшные стихотворения лучших поэтов Серебряного века, таких как Иннокентий Анненский, Андрей Белый, Александр Блок, Николай Гумилёв, Осип Мандельштам и многих других.

Поэты мастерски владели словом, создавая зловещие образы и атмосферу неописуемого ужаса, которая заставляет задуматься над самыми темными сторонами человеческой природы.

Многие из представленных текстов несут на себе печать боли и трагедии, которые переживали поэты в условиях политических потрясений и социальных изменений. Особая эмоциональная напряженность и философская глубина делают эти произведения поистине уникальными в своем роде.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

© Гумилёв Н. Наследники, 2025
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215295-5

Иннокентий АННЕНСКИЙ (1855–1909)

NOTTURNO

(Другу моему С.К. Буличу)

Точно крылья
Птицы, намокшие тяжко, плывут средь тумана.
Слушай... это летит хищная, властная птица,
Время ту птицу зовут, и на крыльях у ней
твоя сила,
Радости сон мимолётный, надежд золотые
дохмотья...

26 февраля 1890

КОШМАРЫ

«Вы ждёте? Вы в волненьи? Это бред.
Вы отворять ему идёте? Нет!
Поймите: к вам стучится сумасшедший,
Бог знает где и с кем всю ночь проведший,
Оборванный, и речь его дика,
И камешков полна его рука;
Того гляди — другую опростает,
Вас листьями сухими закидает,
Иль целовать задумает, и слёз
Останутся следы в смятеньи кос,
Коли от губ удастся скрыть лицо вам,
Смущённым и мучительно пунцовым.
Послушайте!.. Я только вас пугал:
Тот далеко, он умер... Я солгал.
И жалобы, и шёпоты, и стуки —
Всё это «шелест крови», голос муки...
Которую мы терпим, я ли, вы ли...
Иль вихри в плен попались и завыли?
Да нет же! Вы спокойны... Лишь у губ
Змеится что-то бледное... Я глуп...
Свиданье здесь назначено другому...
Всё понял я теперь: испуг, истому
И влажный блеск таимых вами глаз».
Стучат? Идут? Она приподнялась.

Гляжу — фитиль у фонаря спустила,
Он розовый... Вот косы отпустила.
Взвились и пали косы... Вот ко мне
Идёт... И мы в огне, в одном огне...
Вот руки обвились и увлекают,
А волосы и колют, и ласкают...
Так вот он ум мужчины, тот гордец,
Не стоящий ни трепетных сердец,
Ни влажного и розового зноя!
И вдруг я весь стал существо иное...
Постель... Свеча горит. На грустный тон
Лепечет дождь... Я спал и видел сон.

ПЕРЕД ПАНИХИДОЙ

Сонет

Два дня здесь шепчут: прям и нем,
Всё тот же гость в дому,
И вянут космы хризантем
В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир ему,
Но нам-то, нам-то всем,
Иль люк в ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсем?

«Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...»
Слова, слова, слова.
Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поёт
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздаёт.

УТРО

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-чёрных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.

На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придёт ли рассвет
Или это уж полный конец...

О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...

Облака ещё плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнуться попробовал День.

Я НА ДНЕ

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.
Из тяжёлых стеклянных потёмок
Нет путей никому, никуда...

Помню небо, зигзаги полёта,
Белый мрамор, под ним водоём,
Помню дым от струи водомёта
Весь изнizzанный синим огнём...

Если ж верить тем шёпотам бреда,
Что томят мой постылый покой,
Там тоскует по мне Андромеда
С искалеченной белой рукой.

*Вологда
20 мая 1906*

СТАРАЯ УСАДЬБА

Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный — все осины — тощи, страх!
Дом — руины... Тины, тины, что в прудах...

Что утрат-то!.. Брат на брата... Что обид!..
Прах и гнилость... Накренилось... А стоит...

Чье жилище? Пепелище?.. Угол чей?
Мёртвой нищей логовище без печей...

Ну как встанет, ну как глянет из окна:
«Взять не можешь, а тревожишь, старина!»

Ишь затейник! Ишь забавник! Что за прыть!
Любит древних, любит давних ворошить...

Не сфальшивиши, так иди уж: у меня
Не в окошке, так из кошки два огня.
Дам и брашна — волчьих ягод, белены...
Только страшно — месяц за год у луны...

Столько вышек, столько лестниц — двери нет...
Встанет месяц, глянет месяц — где твой след?..»

Тсс... ни слова... даль былого — но сквозь дым
Мутно зrima... Мимо... мимо... И к живым!

Иль истомы сердцу надо моему?
Тени дома? Шума сада?.. Не пойму...

ЧЁРНАЯ ВЕСНА

(Taem)

Под гулы меди — гробовой
Творился перенос,
И, жутко задран, восковой
Глядел из гроба нос.

Дыханья, что ли, он хотел
Туда, в пустую грудь?..
Последний снег был тёмно-бел,
И тяжек рыхлый путь,

И только изморозь, мутна,
На тление лилась,
Да тупо чёрная весна
Глядела в студень глаз —

С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленевших лиц.
А там, по мертвенным полям,
С разбухших крыльев птиц...

О люди! Тяжек жизни след
По рытвинам путей,
Но ничего печальней нет,
Как встреча двух смертей.

Тотьма

19 марта 1906

БЕССОННИЦЫ

БЕССОННИЦА РЕБЁНКА

От душной копоти земли
Погасла точка огневая,
И плавно тени потекли,
Контúры странные сливая.

И знал, что спать я не могу:
Пока уста мои молились,
Те, неотвязные, в мозгу
Опять слова зашевелились.

И я лежал, а тени шли,
Наверно зная и скрывая,
Как гриб выходит из земли
И ходит стрелка часовая.

ПАРКИ — БАБЬЕ ЛЕПЕТАНЬЕ

Сонет

Я ночи знал. Мечта и труд
Их наполняли трепетаньем, —
Туда, к надлунным очертаньям,
Бывало, мысль они зовут.

Томя и нежа ожиданьем,
Они, бывало, промелькнут,
Как цепи розовых минут
Между запиской и свиданьем.

Но мая белого ночей
Давно страницы пожелтели...
Теперь я слышу у постели

Веретено, — и, как ручей,
Задавлен камнями обвала,
Оно уж лепет обрывало...

ДАЛЕКО... ДАЛЁКО...

Когда умирает для уха
Железа мучительный гром,
Мне тихо по коже старуха
Водить начинает пером.
Перо её так бородато,
Так плотно засело в руке.

Не им ли я кляксу когда-то
На розовом сделал листке?
Я помню — слеза в ней блистала,
Другая ползла по лицу:
Давно под часами усталый
Стихи выводил я отцу...

Но жаркая стынет подушка,
Окно начинает белеть...
Пора и в дорогу, старушка,
Под утро душна эта клеть.
Мы тронулись... Тройка плетётся,
Никак не найдёт колеи,
А сердце... бубенчиком бьётся
Так тихо у потной шлеи...

У ГРОБА

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают ещё часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ, подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

ТАМ

Ровно в полночь гонг унылый
Свёл их тени в чёрной зале,
Где белел Эрот бескрылый
Меж искусственных азалий.

Там, качаясь, лампады
Пламя трепетное лили,
Душным ладаном услады
Там кадили чаши лилий.

Тварь единая живая
Там тянула к брашну жало,
Там отрава огневая
В кубки медные бежала.

На оскала смех застылый
Тени ночи наползали,
Бесконечный и унылый
Длился ужин в чёрной зале.

Эдуард БАГРИЦКИЙ
(1895–1934)

ПАПИРОСНЫЙ КОРОБОК

Раскуренный дочиста коробок,
Окурки под лампою шаткой...
Он гость — я хозяин. Плыёт в уголок
Студёная лодка-кроватка.
— Довольно! Пред нами другие пути,
Другая повадка и хватка!.. —
Но гость не встаёт. Он не хочет уйти;
Он пальцами, чище слоновой кости,
Терзает и вертит перчатку...
Столетняя палка застыла в углу,
Столетний цилиндр вверх дном на полу,
Вихры над веснушками взреяли...
Из гроба, с обложки ли от папирос —
Он в кресла влетел и к пружинам прирос,
Перчатку терзая, — Рылеев...
— Ты наш навсегда! Мы повсюду с тобой,
Взгляни!.. —
И рукой на окно:
Голубой
Сад ёрзал костями пустыми.
Сад в ночь подымал допотопный костяк,
Вдыхая луну, от бронхита свистя,
Шепча непонятное имя...
— Содружество наше навек заодно! —
Из пруда, прижатого к иве,